

—

В тот день не только Фу Мин долго пробыл в комнате старой госпожи. Когда Цзинь И вернулся в поместье и пришел поприветствовать ее, старая госпожа задержала его почти на час.

Когда он вышел из комнаты старой госпожи, сумерки уже миновали, и лунный свет мягко лился.

Походка Цзинь И не была такой быстрой и уверенной, как обычно; он шел медленно и тяжело, и в его голове постоянно звучали слова, сказанные ему старой госпожой. Она говорила, что по сравнению с Мин-эром он должен лучше понимать неизбежность союза с семьей Чжоу. Он, конечно, понимал, но, размышляя об этом, не мог не думать о том, что чувствовал Фу Мин, когда слышал эти слова в комнате старой госпожи. Старая госпожа сказала, что Мин-эр был разумным и уже молчаливо согласился. Цзинь И, услышав это, не почувствовал облегчения, наоборот, боль распространилась по его сердцу. Он верил, что это никак не было желанием Фу Мина, и он также знал, что в тот момент у Фу Мина не было никакой возможности сказать «нет».

Оба они были таковы: сначала они были сыном и невесткой семьи Цзинь, а только потом уже супругами друг для друга.

Цзинь И был беспокоен, и перед его глазами вдруг мелькнули редкие тени стены двора. Только тогда он понял, что в каком-то оцепенении дошел до двора Фан Мань Тин. Но в этот момент он не знал, как войти в этот двор, как встретиться с Фу Мином...

—

Через полчаса Бай Лу пришла в Фан Мань Тин, чтобы передать, что господин сегодня не придет и чтобы Мин Гунцзы ложился спать пораньше.

Фу Мин лежал в постели, слушая, как осенний ветер шуршит опадающими листьями за окном, ворочаясь с боку на бок. Спустя долгое время он успокоился, но просто смотрел в сторону кровати, с открытыми глазами, полными пустоты.

Внезапно он почувствовал, как поднялась занавеска, послышались знакомые шаги, и тело, несущее прохладу с улицы, тут же прижалось к нему. Пара сильных рук крепко обняла его.

Фу Мин протянул руку, схватил руку, лежащую у него на груди, почувствовал дыхание человека за спиной, которое касалось его уха, и губы, опустившиеся на его волосы. Но ни он, ни Цзинь И не сказали ни слова, просто позволили телам прижаться друг к другу максимально близко, в самой интимной позе.

Неизвестно, сколько времени прошло, пока Фу Мин не уснул в тумане. Но всю ночь он видел сны, и это были отнюдь не приятные сновидения. Когда он проснулся на следующее утро, Цзинь И уже не было рядом. Он лишь почувствовал, что, возможно, приближается зима, и косой ветер за окном принес прохладу, отчего все его тело и разум ощутили легкий холодок.

Все более явное дыхание зимы ничуть не охладило оживление в поместье Цзинь. Тао Ян, по указанию Фу Мина, пригласил сваху в поместье Цзинь, чтобы сделать предложение. Старая госпожа и Цзинь Синюань согласились на предложение Тао Яна. Семья Тао запросила дату рождения Жэньлань и предсказала судьбу в родовом храме, и результат был очень

благоприятным. Таким образом, сундуки с подарками один за другим отправлялись из дома Тао в поместье Цзинь. Тао Ян намеревался устроить для Жэньлань пышное торжество, поэтому не жалел золота. Позже Жэньлань сама попросила Фу Мина передать, чтобы подарки на помолвку не было слишком роскошным.

В то же время, между поместьями Цзинь и Чжоу также было оживленное общение. Хотя Чжоу Хуаньцин собиралась войти в поместье Цзинь в качестве наложницы, старая госпожа не проявила ни малейшего пренебрежения. Она также наняла сваху, которая пришла в дом, запросила дату рождения Чжоу Хуаньцин. Приданое, хоть и было ограничено этикетом, было настолько большим, насколько это возможно. В конце концов, также был тщательно выбран благоприятный день – на осень следующего года.

Вань Лань втайне сказала Лю Фэй: «Говорят, что это женитьба на наложнице, но эта церемония чем отличается от женитьбы на жене?»

Лю Фэй вздохнула: «Если бы только это, то ладно. Но это именно она, у нее есть положение, статус, расположение. Когда она действительно войдет в поместье, нашему Гунцзы будет гораздо труднее».

«Протерпев год, мы наконец-то дождались этого дня, а еще до конца года снова столкнулись с этим. Гунцзы, конечно, тяжело, но он должен притворяться счастливым. Мне даже жаль на него смотреть».

Когда они говорили, у них чуть не потекли слезы. Увидев, что Фу Мин вышел из внутренней комнаты в одежде для прогулок, они поспешно скрыли свои печальные лица, спросили его, куда он идет, проверили, достаточно ли тепло он одет, и достаточно ли денег взял с собой.

Фу Мин, долго пребывавший дома, чувствовал все большую и большую горечь в сердце, поэтому решил выйти развеяться.

Было холодно, но улицы столицы все еще были многолюдными. Фу Мин не хотел задерживаться в шумных и оживленных местах и направился прямо в приют.

В этом году, когда Цзинь И вернулся после подавления восстания, он встретил в пути беременную вдову, которая сказала, что едет в столицу на поиски родственников. Цзинь И приказал позаботиться о ней и привезти ее в столицу. Женщина какое-то время не могла найти своих родственников и не хотела ни входить в поместье Цзинь, ни останавливаться в гостинице. По предложению Фу Мина, она сначала поселилась в приюте. Ранней осенью Фу Мин однажды приходил туда, тогда женщина еще была там, и ребенок уже родился — пухлый мальчик. Но он слышал, что она уже получила точные новости, и не знал, уехала ли она уже с ребенком.

Когда Фу Мин пришел в приют, Сунь Цзанъюн сказал ему, что женщина уехала с ребенком в прошлом месяце. Фу Мин сам организовал ее прибытие, но не смог должным образом позаботиться о ней, и ему было очень стыдно. Сунь Цзанъюн утешал его: «Я тоже слышал, что в поместье Цзинь в последнее время очень много дел, и у тебя не было времени».

Фу Мин покачал головой и с улыбкой сказал: «Мне не нужно было заниматься этими делами».

Сунь Цзанъюн похлопал его по плечу: «Эх, Мин-эр, тебе следует немного расслабиться. Мужчине не следует быть прикованным к домашним мелочам, тем более, ты человек, подобный чистому ветру и ясному месяцу. Я верю, что ты сможешь это пережить».

Фу Мин слегка кивнул, неясно, принял ли он утешение или пообещал, что обязательно

смирится. Они больше не говорили об этом. Фу Мин спросил, достаточно ли приют подготовился к зиме, хватает ли одежды, одеял, еды и лекарств. Сунь Цзанъюн показал ему отчеты за последние два месяца. Фу Мин успокоился, оставил немного денег, а затем провел два часа с детьми, и только после этого неспешно вернулся.

Не успел он войти во двор, как увидел, что Вань Лань уже ждет у ворот.

Фу Мин спросил: «Янь-эр приходил искать меня?»

Вань Лань покачала головой, на ее лице читалось беспокойство: «Гунцзы, старая госпожа сказала, что когда вы вернетесь, то должны пойти к ней».

Фу Мин сказал: «Хорошо, я пойду после того, как переоденусь».

Вань Лань последовала за Фу Мином во двор и в дом. Фу Мин снова спросил: «Что случилось? Почему ты так расстроена?»

Лю Фэй тоже подошла помочь ему переодеться и объяснила: «Гунцзы, кто-то пустил сплетни и наговорил неприятных вещей. За эти полдня, что вас не было в поместье, об этом узнали все. Старая госпожа, наверное, позвала вас именно из-за этого».

Не дожидаясь вопроса Фу Мина, Вань Лань тут же добавила: «Гунцзы, господин Тао и наша госпожа ведь обручились? Так вот, кто-то недоволен и говорит, что это вы подстроили этот брак, и что вы давно уже связали их. Старая госпожа больше всего не любит такие вещи, говорят, что она раньше даже ругала тех, кто распускал слухи в поместье».

Услышав это, Фу Мин понял: «Дым без огня не бывает, и это не совсем ложные слухи. Ладно, я пойду и объяснюсь со старой госпожой, надеюсь, это не повлияет на брак брата Лэсюя и сестры Жэньлань».

Лю Фэй и Вань Лань хотели пойти с Фу Мином к госпоже, но Фу Мин остановил их: «Сейчас неизвестно, успокоилась ли старая госпожа. Если она будет не в духе, она может сорваться на тех, кто со мной. Если вы пойдете, разве вы не попадете под наказание? Ждите меня во дворе. Не волнуйтесь, старая госпожа не такой уж неразумный человек, я знаю, как себя вести».

Когда Фу Мин увидел старую госпожу, она сидела, слегка наклонившись, а Синьюэ массировала ей плечи и спину.

Фу Мин поклонился, но старая госпожа не велела ему подняться и сесть, как обычно, и не приказала служанке подать чай. Она лишь подняла глаза и холодно спросила: «Мин-эр, ты, должно быть, уже знаешь, зачем я тебя позвала?»

Фу Мин кивнул в ответ: «Это из-за сегодняшних слухов в поместье?»

«Я слышала, что этот парень из семьи Тао и Лань-эр уже давно знакомы, и это ты их свел?»

«Старая госпожа, они действительно уже знакомы. В прошлом году, в день осеннего равноденствия, я гулял с сестрой Жэньлань и встретил брата Лэсюя. Хотя брат Лэсюй давно испытывал чувства к сестре Жэньлань, он действовал согласно своим чувствам, но придерживался правил приличия и не совершил ничего неподобающего. Сестра Жэньлань узнала об этом лишь недавно. И они виделись только один раз, после этого больше не встречались».

Старая госпожа, услышав это, не ответила. Фу Мин долго стоял на полу, прежде чем услышал ее слова: «Хотя в нашу династию нравы свободны, и девушке с мужчиной можно видаться до брака, наша семья Цзинь — знатный род, и мы должны соблюдать правила и этикет строже, чем обычные люди. Иначе над нами будут смеяться, и это повредит репутации женщин в семье».

Фу Мин уловил в словах старой госпожи упрек и с искренним раскаянием признал свою ошибку: «Это моя оплошность».

Старая госпожа снова сказала: «Я знаю, что ты хорошо относишься к Лань-эр. Но мужчина есть мужчина, а женщина есть женщина. Ты не можешь судить о Лань-эр по своим собственным манерам. Кроме того, хотя ты и мужчина, но ты все же член семьи Цзинь, и у тебя тоже есть свои правила, которые нужно соблюдать, нельзя быть слишком беззаботным. Ты понимаешь?»

Фу Мин молча помедлил, затем опустил голову и тихо произнес: «Понимаю».

«Ты человек проницательный, и раз я говорю об этом, ты, должно быть, понимаешь важность дела. В следующем году в поместье будет свадьба, и нельзя к этому относиться легкомысленно. Если нет важной причины, вам с Лань-эр лучше меньше видаться, и тебе тоже лучше меньше выходить из дома».

По тону старой госпожи Фу Мин уловил категоричность. Это было скорее не наставление, а приказ или предупреждение. Хотя он был недоволен, но поскольку дело дошло до этого, ему оставалось лишь смиренно согласиться.

Когда Фу Мин вернулся из двора старой госпожи в Фан Мань Тин, Вань Лань и Лю Фэй все еще ждали у входа. Увидев его, они поспешно спросили, как обстоят дела. Не желая их беспокоить, Фу Мин слегка улыбнулся и сказал: «Что может быть такого важного? Я все объяснил, старая госпожа мне поверила, и дело улажено».

Лю Фэй все еще сомневалась, а Вань Лань рассмеялась: «Амитабха, старая госпожа, конечно же, проницательна. Еще до полудня она поймала наложницу Ван и приказала ей оставаться в своей комнате полгода. Я думала, что она так злится, что наверняка не оставит вас в покое, Гунцзы. К счастью, Гунцзы сильно отличается от наложницы Ван, и старая госпожа, наверное, тоже знает вашу натуру, поэтому не стала преследовать».

Фу Мин слегка кивнул, больше не говоря ни слова, лишь вернулся в комнату, взял книгу и начал читать, но полдня не мог прочитать ни одного слова. Его мысли металась, он испытывал стыд, легкое чувство обиды и какое-то необъяснимое тяжелое ощущение, которое душило его.

В это время, когда он не знал, что делать, Лю Фэй приоткрыла занавеску и сказала ему: «Пришла Синьюэ».

Синьюэ пришла с двумя маленькими служанками с корзинами, чтобы собрать осенние мандарины.

Фу Мин, вспомнив прежние слова старой госпожи, вернулся в свою спальню, сказав, что устал и хочет отдохнуть полчаса, чтобы его позвали к ужину, и наказал Лю Фэй хорошо сопроводить Синьюэ.

Синьюэ собрала мандарины. Перед уходом она оттащила Лю Фэй в сторону и тихо сказала: «Ты хорошо утешь Мин Гунцзы, он сегодня испытал некоторые обиды у старой госпожи. Хотя это и

не что-то серьезное, но он все же мужчина, и всегда отличался самоуважением, поэтому, услышав резкие слова старой госпожи в запале, ему, наверное, очень тяжело».

Лю Фэй сказала: «Я поняла, вы очень внимательны».

Синьюэ улыбнулась и ушла со служанками. Когда она дошла до ворот двора, ее позвала Вань Лань.

Вань Лань тихо что-то прошептала ей на ухо, и та кивнула: «Хорошо, я пойду».

Выйдя из двора Фан Мань Тин, Синьюэ велела служанке отнести корзину с мандаринами обратно, а сама пошла в двор Жэньлань.

Жэньлань, увидев ее, поспешно подошла, взяла ее за руку и спросила: «Добрая сестра, скорее расскажи мне, что там снаружи? Я слышала, старая госпожа вызвала брата Мина на разговор, не было ли ему трудно?»

Синьюэ рассмеялась: «Не волнуйся. Я только что из Фан Мань Тина, ничего серьезного не произошло, все уладилось, так что будь спокойна».

Жэньлань, услышав это, вздохнула с облегчением, но все же немного беспокоилась и снова спросила: «Брат Мин действительно не пострадал?»

Синь Юэ вспомнила слова Вань Лань и просто сказала: «Старая госпожа не причинила неприятностей Мин Гунцзы. Просто сейчас тебе неудобно ходить в Фан Мань Тин, поэтому Мин Гунцзы попросил меня передать тебе несколько слов: с ним все в порядке, ты тоже будешь занята, тебе предстоит учиться управлять домом, а также учиться у матушек-наставниц, как быть женой и хозяйкой, а рукоделие будет еще более напряженным. Береги свое здоровье и успокойся, просто жди, чтобы стать невестой».

Жэньлань, услышав это, рассмеялась и вздохнула: «Брат Мин именно такой, в такой момент он все еще думает только об утешении других».

Синьюэ сказала: «Если бы он не был таким человеком, господин не относился бы к нему так хорошо».

Жэньлань хотела было снова заговорить о том, что Цзинь И берет наложницу, но, вспомнив слова старой госпожи и няньки, а также статус Синьюэ, она наконец сдержалась. Она лишь про себя молилась, чтобы даже после того, как в следующем году госпожа Чжоу войдет в дом, ее старший брат и брат Мин по-прежнему оставались такими же любящими, как и прежде.

—